

Россия в новом десятилетии: цели, угрозы, попутчики

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

АННОТАЦИЯ

Редакция журнала «Международная аналитика» провела круглый стол с ведущими политологами России, на котором обсудила проблемы и перспективы российской внешней политики в новом десятилетии XXI века. Во время дискуссии участниками затрагивались многие актуальные вопросы, например, какие цели должна ставить Россия в новом десятилетии: максимально увеличить свое международное влияние или сосредоточиться на внутреннем развитии? Что считать главными стратегическими угрозами:

«новую холодную войну» или технологическое отставание? Наконец, кого признавать союзником в новой неопределенной международно-политической ситуации, или данный термин безвозвратно устаревает? В беседе приняли участие видные учёные-исследователи: Фёдор Александрович Лукьянов – директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба (МДК) «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»; Дмитрий Витальевич Тренин – директор, председатель научного совета и руководитель программы «Внешняя политика и безопасность» Московского Центра Карнеги; Андрей Вадимович КОРТУНОВ – генеральный директор Российского совета по международным делам; Виктор Иванович Мураховский – главный редактор информационно-аналитического журнала «Арсенал Отечества», эксперт Российского совета по международным делам;

Андрей Андреевич Сушенцов – директор Института международных исследований МГИМО МИД России (ИМИ), программный директор Фонда развития и поддержки МДК «Валдай»; Дмитрий Вячеславович Сулов – заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ) Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Николай Юрьевич Силаев – ведущий научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности ИМИ МГИМО МИД России, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России;

Иван Алексеевич Сафранчук – ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана ИМИ МГИМО МИД России, директор российского представительства международного Центра оборонной информации (2001 – 2006), *Center for Defense Information*.

*Беседу вел Сергей Мирославович Маркедонов,
главный редактор журнала «Международная аналитика»*

С.М. Маркедонов: Уважаемые коллеги, сегодня мы собрались для обсуждения перспектив, основных угроз, рисков для российской внешней политики в рамках общей темы второго номера «Международной аналитики» – «Новое десятилетие: стратегические перспективы из разных углов мира». На первый взгляд, предлагаемая для обсуждения тема изучена вдоль и поперек. Но при более глубоком рас-

смотрении мы можем обнаружить несколько серьезных препятствий для содержательного разговора. Прежде всего бросается в глаза излишняя категоричность в оценках. С одной стороны, внешняя политика России видится как цепь удачных наступательных действий, нацеленных на существенное расширение влияния Москвы. И уже не только в «ближнем зарубежье», но и в других регионах мира от Ближнего Востока и до Латинской Америки. А если принять во внимание тот факт, что не только публицистами, но и политологами-международниками обсуждается такой сюжет, как вмешательство России во внутренние процессы в западных странах («брекзит» в Великобритании, президентские выборы в США и Франции, поддержка национал-популистов в государствах-членах ЕС и НАТО), то речь идет едва ли не о планетарном масштабе российского могущества. С другой стороны, внешняя политика России уподобляется «шагреновой коже». Нет сильных союзников, отношения с Западом всерьез и надолго испорчены, а равноправная кооперация с Китаем проблематична, Москва потеряла Тбилиси, Киев, а теперь рассматривается и возможный уход из-под ее влияния и Минска. А Белоруссия – это не просто союзник России, а участник общего проекта – Союзного государства.

Но так ли однозначны по своим последствиям все указанные выше процессы? Та же потеря кого бы то ни было – процесс двусторонний. И не только Россия потеряла Грузию или Украину, но и Грузия с Украиной потеряли Россию. Те же приобретения Москвы на Ближнем Востоке принесли с собой не только усиление влияния, но и новые сложности в отношениях с Турцией, Израилем, Ираном, а также необходимость очень непростых решений и маневров буквально каждую минуту.

В академической экспертной литературе, прежде всего в США, присутствует тенденция к персонификации российской внешней политики. Наша с вами задача разобраться, где роль личности велика и порой играет определяющую роль, а где это не так. Наконец, нам важно определить возможные альтернативы российского политического курса. Насколько жестко нынешние подходы детерминированы? Предстоит ли России сохранить их в неизменном виде в наступающем десятилетии или возможны коррективы? Но если да, то какие именно?

Для ответов на эти вопросы нам необходимо осветить несколько блоков тем. Первый блок: каковы вызовы и угрозы российским интересам сейчас и в наступающем десятилетии? Второй блок: каковы цели и задачи России на международной арене после 2020 г., и кто наши союзники и противники, есть ли у нас попутчики для реализации обозначенных приоритетов?

Ф.А. Лукьянов: Если говорить о вызовах для российской внешней политики, то, как мне кажется, в ближайшее десятилетие они будут ровно такими же, как и для остальных игроков. В этом плане мы глубоко интегрированы в международную среду. Главный вызов заключается в том, что либеральный мировой порядок, действительно, закончился. Вместе с ним не только закончились попытки навязывания каких-то идеологических представлений, но исчезли и определённые ограничители действий государств, особенно крупных. Суть в том, что существовала гегемонистская сила, создавшая среду, в которой в определённых условиях и при соблюдении некоторых правил поведения остальные страны могли себя чувствовать относительно комфортно и добиваться своих целей. Сейчас это уходит. Мы вступаем в международную среду, главные черты которой определяются эгоизмом и тем, что в литературе называется «хищническими инстинктами».

Это означает, что Россия оказывается в крайне неопределенном и нестабильном окружении: становится очень затруднительно, если вообще возможно, с кем-либо выстраивать отношения на длительную перспективу. Особенность наступающего периода в том, что любые обязательства, которые кто-то на себя берёт, – юридические в рамках международных институтов или неформальные в рамках договорённостей – могут по разным причинам перестать выполняться. И такое положение дел станет новой нормой. В этом суть вызова для российской внешней политики: на самом деле, в таких условиях она действовать не привыкла и не очень умеет. У российского интеллектуального и стратегического сообщества ответа на вопрос адаптации к новой среде пока нет. Из этого вытекает и вопрос концептуализации российской политики: 30 лет назад задачей было вернуть Россию на достаточно высокий международный уровень после распада СССР – она выполнена. Вернуться-то мы вернулись. Но остается открытым вопрос, а что дальше?

30 лет назад нашей задачей было вернуть Россию на достаточно высокий международный уровень. Вернуться-то мы вернулись – а дальше что?

Д.В. Тренин: Согласен с Фёдором Александровичем. Окончание либерально-демократического порядка возвращает наш мир к исторической норме. Именно либерально-демократический порядок был aberrацией. Впервые мир оказался в рамках одной системы с одним стабильным лидером-гегемоном. И Россия, начиная с середины 90-х гг., расходилась с этим лидером все дальше и дальше. Однако в новых условиях она имеет огромный опыт ведения реальной политики. Российская политика всегда сопровождалась идеологией, будь то коммунистического толка или консервативно-охранительного. Но суть российской политики – опираться на реальность, это то, чем она обычно занимается в жизни. Поэтому новый «хищнический» миропорядок не будет для нее столь опасным. Более того, внешнее давление совершенно необязательно является отрицательным фактором. Для России в особенности это традиционный стимул для усиления.

Главная угроза для России – это опасность топтания на месте в экономическом плане и экономического угасания, а также усиления технологического отставания. Согласен с тем, что за последние годы Россия сумела восстановить в значительной степени международный статус, который не совсем соответствует её внутренним возможностям. Образовались определённые «ножницы». Эти «ножницы» необходимо ликвидировать. И нет ничего более важного, в том числе для внешней политики, чем способствовать экономическому и научно-техническому развитию страны. То есть России необходима гораздо более мощная, чем на сегодняшний день, экономическая, научно-техническая, социальная и политическая основа для ее курса на международной арене.

Колоссальным фактором слабости, на мой взгляд, является исключительно материальная ориентированность российских верхов. С такой элитой Россия мало на что может, на самом деле, претендовать. Эта элита впервые в российской истории не служит никому, кроме собственных интересов. И результат освобождения элиты от любых обязательств перед страной и обществом, как это

произошло в последние тридцать лет, на мой взгляд, – это фактор, от которого необходимо избавиться, если Россия действительно стремится к внутреннему развитию и занятию достойного места среди стран мира.

Наконец, в современном мире, несмотря на кажущуюся многим бесположность, уже появились два полюса: один – американский, другой – китайский. И для России чрезвычайно важно сохранить равновесие, не дать себя втянуть не в свою драку, не стать разменной монетой в этом противоборстве. Необходимо сохранить баланс в отношениях с Китаем и крепко держать свои позиции в отношениях с США. Совершенно не значит, что равновесие означает равноудаленность. С Китаем, я думаю, в обозримом будущем мы будем ближе, чем с США, но не втянуться не в свой конфликт я считаю главной внешнеполитической задачей.

А.В. Кортунюв: Дмитрий Витальевич упомянул об угрозе технологического отставания. Мне кажется, что, к сожалению, мы должны говорить об этом как о реальности. Даже если завтра будут приняты все нужные законы о структурной перестройке экономики и перехода на новый технологический уклад, то на протяжении ближайших нескольких лет всё равно роль России в мировой экономике будет снижаться, а технологическое отставание – расти. Необходимо думать о минимизации негативных последствий сокращения удельного веса России в мировой экономике, маргинализации России в мировых технологических цепочках, о том, как эти тенденции обратить вспять или сократить их негативное воздействие на внешнюю политику.

Я хотел бы также обратиться к тому, что говорил Фёдор Александрович, о завершении либерального миропорядка. Кризис (и экономический кризис, и пандемия) при всех центробежных тенденциях, которые были этим кризисом усилены, тем не менее слабо повлиял на единство Запада в отношении России. Никаких серьёзных изменений в позициях, скажем, европейских стран мы не наблюдаем. Более того, консолидация Запада может усилиться ввиду обострения конкуренции с Китаем или деятельности Джо Байдена, который в случае своего успеха на выборах, конечно, будет стараться это единство восстановить. Этого будет достаточно для того, чтобы поддерживать единый фронт Запада против России. С этим надо будет считаться.

Что касается биполярности, в последнее время мне приходится довольно много общаться с китайскими коллегами. Я вижу, как быстро меняется их тональность в общении с нами. Проблема наших отношений – асимметрия потенциалов. Сейчас это воплощено в видимом успехе Китая в борьбе с коронавирусом и не вполне ясных результатах этой борьбы в России. Всё это будет менять модель наших отношений, хотя, конечно, публично китайцы будут подтверждать, что эти отношения равноправны. В новой жесткой биполярности Китая и США России придётся трудно.

Наконец, определённая угроза есть и в том, что внешняя политика в обществе больше не будет рассматриваться как позитивный фактор, который мог бы компенсировать внутренние проблемы. Собственно говоря, в ходе коронакризиса уже очень проявились такие изоляционистские тенденции: «А зачем нам помогать Венесуэле, зачем нам посылать свою помощь в Италию или в Сирию?». Социальная база российской внешней политики, которая была относительно устойчивой на протяжении последних лет, начнёт сжиматься.

В.И. Мураховский: С некоторыми коллегами я бы не согласился, например, о концепции биполярности. Биполярность эпохи холодной войны базировалась не только на экономике и на вооружённых силах, но и на идеологии. Сейчас второго полюса для либеральной идеологии в мире нет. Что касается нашей внешней политики, основные тезисы «Концепции внешней политики Российской Федерации»¹ в принципе и сейчас актуальны. В российском стратегическом планировании учитываются и те документы, которые публично не особенно озвучиваются, например, «Прогноз угроз национальной безопасности на тридцатилетний период». Это документ стратегического планирования. Те, кто с ним знаком, скажут, что его тезисы подтверждаются. Наши возможности по проекции военной силы по сравнению с СССР радикально уменьшились, особенно в области флота, военно-транспортной авиации и так далее. Я бы сказал, что у нас в разы меньше таких возможностей. Поэтому в некоторых регионах нам придётся опираться в основном на авторитет внешней политики. Я не согласен с тезисом, что мы отстаём технологически. Действительно, наш рынок не такой объёмный, на мировой рынок нас никто не пустит, поэтому ожидать российских «айфонов» или чего-то в этом роде не стоит. Но по ряду направлений мы на лидирующей позиции или рядом: атомная энергетика и ядерные технологии в целом, некоторые ключевые системы вооружения и военной техники, программные комплексы и др.

Что касается конкретно внешней политики, она максимально прагматична, особенно в условиях совершенного отсутствия «союзников на века». И практическую реализацию мы видим на примере сирийской операции. Замечу, что Сирия является сейчас единственным регионом мира, где российские вооружённые силы напрямую соприкасаются с вооружёнными силами США, и не было ни одного случая острого конфликта. Такая ситуация, я думаю, в дальнейшем распространится на весь мир, и придётся отстаивать интересы иногда в очень конфликтных, но разрешимых ситуациях.

А.А. Сушенцов: Нынешняя международная среда делает российские национальные особенности востребованными. Россия – это то редкое государство, у которого есть непрерывный опыт ведения внешней политики, будучи одной из ведущих мировых держав на протяжении нескольких столетий. Непосредственным продуктом этого является опытная внешнеполитическая и военная элита и передающееся стратегическое мышление. Ключевой вызов для России, метафорически выражаясь, заключается в том, что она не является островом. Россию характеризуют огромная государственная территория, её большая хрупкость, низкая плотность населения. Большое количество внешних импульсов, которые

Собственно говоря, в ходе кризиса уже очень проявились такие изоляционистские тенденции: «А зачем нам помогать Венесуэле, зачем нам посылать свою помощь в Италию или в Сирию?»

1 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptiCk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 11.08.20).

затрагивают наши интересы, протекают в поясе наших границ и влияют на внутреннюю стабильность. Эти обстоятельства сложились в России ещё в начале XVIII века. Тогда, естественно, управляемость этой территорией была совершенно иной. Она и сейчас, как мы видим по большому количеству чрезвычайных происшествий и существованию у нас в структуре правительства целого Министерства по чрезвычайным ситуациям со своим экспедиционным флотом самолётов и многотысячных подразделений, по-прежнему довольно низко управляемая. Главная историческая черта нашей территории – евразийский вакуум, плотность населения на внеевропейской территории страны ниже двух человек на квадратный километр. Это историческое обстоятельство невозможно никаким образом изменить. Ни быстро, ни медленно, если только глобальное потепление климата в середине века не стимулирует многомиллионные миграции с юга на север. Внутренняя хрупкость России – её историческое родимое пятно. Низкая плотность населения, трудность производства добавочного продукта, огромная площадь территории и необходимость не только сохранять суверенитет, но ещё быть дееспособным в высококонкурентной международной среде – всё это толкало практически любое российское правительство вне зависимости от его политической ориентации к централизации ресурсов и к акценту на обороноспособность, к укреплению военных сил и к акценту на те технологии, которые имеют оборонное значение. В связи с этим значительных перемен в российской стратегии на горизонте ближайших двадцать лет я не вижу.

Международная система движется в направлении, которое российская стратегическая мысль предчувствовала и по-прежнему, на мой взгляд, даёт адекватные оценки. Её ключевые характеристики – это конкуренция, прагматизм и акцент на суверенитете. Каждый из этих ключевых терминов в российской стратегической мысли и в документах стратегического планирования фигурирует уже не меньше двадцати лет. Наблюдаемая децентрализация системы, усиление в ней нестабильности, кризис институтов – это следствия отсутствия в этой системе равновесия. При этом мы видим, что продолжающийся кризис институтов и правил происходит не обвальным образом, не моментально, как, допустим, крушение монархий после Первой мировой войны, а постепенно, и это нас с коллегами по Валдайскому клубу толкнуло на метафору «осыпания мирового порядка»¹. Ведущие страны не заинтересованы в обвальном, катастрофическом крушении правил. И я думаю, что и Китай не заинтересован в резком прекращении своих отношений с США, и наоборот. И то, что называется *decoupling* (анг. – разделение, отделение) между державами будет протекать в крайне мягкой, осторожной и неокончательной форме. Поэтому вот это предчувствие биполярности, которым живут многие аналитики, может оказаться обманчивым. По существу, мы можем ока-

Ключевой вызов для России, метафорически выражаясь, заключается в том, что она не является островом.

1 См. подробнее: Барабанов, О.Н., Бордачев, Т.В. и др. Жизнь в осыпающемся мире. Ежегодный доклад Клуба «Валдай» // Ежегодный доклад МДК «Валдай». [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22596/> (дата обращения: 12.08.20).

заться в гораздо более сложной полицентричной системе, и вызовами для нас станут, скорее, не необходимость ориентироваться на США или Китай, а кризисы вроде того, что случился между Россией и Турцией в 2015 г. Не соглашусь с Андреем Вадимовичем: для внешней политики России наступающий период далеко не задвинет внешнюю политику, а, наоборот, актуализирует. Будут востребованы компетенции в области изучения языков и качественной экспертизы по ключевым, ведущим центрам силы для того, чтобы в этом высококонкурентном потоке правильно маневрировать и не упустить риски, которые, на первый взгляд, неочевидны.

Д.В. Суслов: Я согласен с Дмитрием Витальевичем в том, что для России распад либерального порядка в том виде, как мы его знали последние тридцать-сорок лет, – явление положительное. Надо понимать, что мы подразумеваем под либеральным порядком. Если это порядок, в центре которого стоят США, то это, скорее, гегемонистский порядок. И на сегодняшний день прекращается именно гегемонистский порядок. Если же под либеральным порядком подразумевать наличие институтов ООН с правом вето в Совете Безопасности, то этот порядок в значительной степени продолжается, хотя и слабеет, что неизбежно в условиях перехода от гегемонии к полицентричной системе. Да, полицентричная система будет, безусловно, более конфликтная, но не такая, как сам по себе переход от гегемонии к полицентризму. Впервые многополярная система будет существовать при наличии ядерного оружия и, возможно, этот фактор будет препятствовать возникновению больших преднамеренных войн по образцу Первой и Второй мировых войн.

Что касается вызовов или рисков для России, то главные носят, прежде всего, внутренний характер. Это экономическая стагнация, это всё большее экономическое отставание от главных центров роста мировой экономики, сохраняющийся внутри России экономический дисбаланс. И пока Россия не решит эти проблемы, она будет испытывать дефицит привлекательности и на постсоветском пространстве, и не будет восприниматься как устойчивый, независимый центр силы многими внешними игроками. Почему? Во многом из-за российской экономической слабости и отсталости. А уверенность многих на Западе в неизбежности отказа России от нынешней модели поведения не позволяет вести с ней нормальный диалог и выстраивать общий миропорядок, воспринимать Россию как независимый центр силы.

Что касается внешних вызовов, то формирование мира с двумя сверхдержавами (США и Китай) и переход России в разряд стран второго эшелона является главным таким вызовом. Это ни в коем случае не означает формирование bipolarного мира: с этим не согласится подавляющее большинство других стран, которые должны будут теоретически сформировать эти bipolarные блоки, да и

Что касается вызовов или рисков для России, то главные носят, прежде всего, внутренний характер. Это экономическая стагнация, это всё большее экономическое отставание от главных центров роста мировой экономики, сохраняющийся внутри России экономический дисбаланс.

сам Китай не претендует на создание китаецентричного глобального блока. Поэтому будет возникать полицентричная система, в которой большую и важную роль будут играть региональные центры силы (такие, как Турция и Саудовская Аравия), но при этом будут существовать два глобальных центра, которые будут существенно превосходить все остальные по совокупному потенциалу. Это опять-таки не означает автоматическую утрату Россией стратегической самостоятельности и попадание в зависимость от Китая. Однако тенденции формирования двух сверхдержав и антагонистические отношения между ними будут углубляться. При этом они не останутся с приходом Дж. Байдена, если он победит на президентских выборах в США. Такая ситуация создает риск того, что России надо будет на определенном этапе делать выбор, и это уменьшит свободу ее внешнеполитического манёвра в отношениях с третьими странами (с ЕС, с Индией и другими государствами).

Кроме того, превращение Китая в полноценную сверхдержаву и увеличение асимметрии потенциалов с Россией в пользу Китая может укрепить наступательность китайской внешней политики, в том числе на постсоветском пространстве. Если Китай на определенном этапе начнет относиться к России как к младшему партнеру, мы столкнемся с очень непростым выбором: либо принять эту модель, что перечеркнет всю логику российской внешней политики последних десятилетий, даже столетий, или же не принять эту модель – тогда неизбежно пойти на обострение отношений с Китаем и столкнуться в результате с ещё меньшей свободой внешнеполитического манёвра и напряжёнными отношениями одновременно как с Западом, так и с Китаем. Выбор в пользу Запада против Китая абсолютно невозможен в обозримой перспективе, для России это будет полная капитуляция. Поэтому может возникнуть ситуация напряжённых отношений одновременно и с Западом, и с Китаем, а это хуже, чем ситуация, в которой находился СССР в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века, потому что тогда СССР был гораздо более силен, чем сейчас Россия, а Китай, напротив, более слаб.

Что касается консолидации Запада, о которой говорил Андрей Вадимович, да, это риск, но я не считаю, что возможно воссоздание Запада в том виде, как он существовал в период холодной войны, по двум причинам. Во-первых, потому что США сегодня не способны играть роль «благожелательного гегемона» – это в прошлом, в том числе в отношении Европы. Во-вторых, европейские страны не хотят однозначно присоединяться к США и их политике сдерживания Китая. Даже если к власти в США придет Дж. Байден, в долгосрочной перспективе монолит Запада всё равно не воссоздастся, и это сохранит определённые возможности в отношениях России со странами Западной Европы.

Ну, и последний вызов, мне кажется, – это объективное ослабление стратегической стабильности в мире, и повышение угрозы непреднамеренного неядерного военного столкновения России с США или с НАТО с опасностью эскалации на ядерный уровень. Главная причина этой угрозы – политическая конфронтация США с Россией и Китаем, которая будет становиться всё более и более ожесточённой, по крайней мере, в ближайшие несколько лет, причём вне зависимости от того, кто победит на президентских выборах в США этого года. Другая причина – это стирание грани между ядерными и неядерными стратегическими вооружениями, понижение планки применения военной силы в целом и ядерно-

го оружия в частности и полный развал прежней системы контроля над вооружениями без ясной перспективы выработки некоей новой системы на замену прежней. Вот, собственно, главные вызовы, которые я вижу для российской внешней политики.

Н.Ю. Силаев: Источник вызова для России в том, что масштаб ее влияния в мировой политике выше ее абсолютной мощи. Вместе с США и Китаем Россия входит в тройку наиболее влиятельных стран мира, значительно уступая обоим государствам по экономическому и демографическому потенциалу. Как сохранить глобальное влияние и высокий международный статус – которые в России считают синонимом национального суверенитета – в условиях такой диспропорции мощи с сильнейшими игроками?

Означает ли эта диспропорция, что влияние России будет сокращаться? На мой взгляд, нет. Сейчас источник влияния России состоит не только и не столько в её абсолютной мощи, сколько в её положении в сети международных связей. Хорошей иллюстрацией может быть Ближний Восток. Россия значительно нарастила свое влияние в этом регионе при ограниченном использовании силы и при сравнительно небольших возможностях по проецированию силы. Этот результат был достигнут благодаря выверенной внешнеполитической стратегии и способности поддерживать отношения с государствами, которые конфликтуют друг с другом: Ираном и Израилем, Ираном и Саудовской Аравией и др. Россия смогла занять нейтральное положение в этих конфликтных парах, обеспечив себе статус центрального игрока.

Американо-китайское столкновение чревато тем, что России будет сложнее, чем на Ближнем Востоке, удержаться в нейтральном положении. Но и здесь есть возможности. Как уже заметили коллеги, если возникнет долгосрочная американо-китайская конфронтация, она едва ли будет сопровождаться формированием двух блоков вроде тех, что были у Советского Союза и США. И в условиях такой конфронтации Россия окажется наиболее могущественной в большой компании стран, которые стремятся сохранить автономию как от США, так и от Китая. Правда, здесь многое зависит от того, сможет ли Россия в ближайшие годы добиться разрядки – естественно, не ценой достигнутого ею высокого международного статуса – с какими-либо из западных стран?

Ещё один вызов, который важен для России и международной системы в целом, – это противоречие между торговыми и политическими союзами. Коллеги уже упомянули, что политические союзы переживают эрозию. Но торгово-экономические отношения, производственные, технологические цепочки требуют устойчивости. Политические союзы сейчас не могут поддержать эту устойчивость. Конечно, здесь любопытен пример российско-турецких отношений: активные торгово-экономические и технологические связи сохраняются несмотря на политические разногласия. Но, к примеру, в отношениях с Германией этого добиться не удалось.

Сравнительная экономическая и технологическая слабость России, конечно, усложняет проведение ее внешней политики. Но тут важны детали. Во

Американо-китайское столкновение чревато тем, что России будет сложнее, чем на Ближнем Востоке, удержаться в нейтральном положении. Но и здесь есть возможности.

первых, представление о тотальной технологической отсталости России, мягко говоря, неверно. Россия – мировой лидер в атомной энергетике. Крупнейшие IT-компании в Европе – российские. Россия среди лидеров по развитию государственных электронных сервисов. Российская компания «Монокристалл» контролирует половину мирового рынка сапфировых пластин, которые применяются в электронике, в том числе в экранах для смартфонов – к вопросу об «айфонах» и маргинализации России в мировых технологических цепочках. Во-вторых, для укрепления нашего международного статуса мы сейчас должны продемонстрировать не преодоление абстрактной «отсталости», а несколько лет высоких темпов несырьевого экономического роста. Это решаемая задача.

И.А. Сафранчук: После распада СССР в России некоторое время доминировал тезис, что главные проблемы и вызовы для нашей страны – внутри, а не вовне. По итогам советского «застоя» были полностью утрачены светлые представления, что СССР идет в правильном направлении, а вот мир – куда-то не туда. Теперь мир виделся благополучным, а дом – нуждающимся в существенном реформировании, после чего можно будет воспользоваться всеми благами глобального мира. Не хочу сказать, что эти представления были неправильными, но значение внешнего фактора для России существенно возросло. И дело не только и не столько в известном осложнении отношений России с Западом. Есть несколько общемировых тенденций, которые ставят вызовы перед всеми мировыми державами.

Во-первых, в постбиполярный период сразу несколько незападных государств смогли совершить значительный рывок в развитии. Состав «высшей лиги» мировой политики расширился и обновился. В результате сложилось то, что в общем-то Россия и хотела, – полицентричный, или многополярный, мир. Но те правила, как формальные, так и неформальные, которые сформировались еще в период холодной войны, для этого мира с обновлённым набором великих держав, как оказывается, не очень подходят. США не смогли сохранить «правила игры» под своим контролем, остаться в этом обновлённом мире лидером, гарантом гегемонистской модели стабильности. В результате мы живём в новой конфигурации великих держав, в которой старые правила не действуют, но и полный хаос невозможен (хотя бы потому, что с учетом ядерного фактора предельные риски силовой политики при ничем не ограниченном эгоистическом поведении будут на неприемлемом уровне).

Во-вторых, долгое время процессы глобализации и идейной универсализации развивались параллельно, и к концу XX века казалось, что они совсем слились во что-то единое. Но сейчас это уже не так. Материально мир остаётся глобально связанным, но утрачено стремление к идейной гомогенности, к чему-то общему¹. Прекратился процесс универсализации. Материально глобальный, но идейно неуниверсальный (и даже не стремящийся к этому) мир – вот современная структурная реальность, у которой есть имманентное противоречие: для существующего уровня материальной глобальности мир слишком неуниверсальный, для нарастающего уровня неуниверсальности – мир слишком материально

1 См. подробнее: Safranchuk, Ivan. "Globalisation and the Decline of Universalism. New Realities for Hegemony." In *Hegemony and World Order*, edited by Piotr Dutkiewicz, Tom Casier, and Jan Aart Scholte, 65-77. London: Routledge, 2020. <https://www.routledge.com/Hegemony-and-World-Order-Reimagining-Power-in-Global-Politics/Dutkiewicz-Casier-Scholte/p/book/9780367457242>.

связанный, глобальный. Каким образом это противоречие может быть решено, пока неясно. У США нет сил (скорее моральных, чем чисто материальных) на новую попытку универсализации. У остальных великих держав нет таких намерений. Даже если к ним придет Китай, то его попытки что-то сделать в этом направлении, скорее, спровоцируют еще большее идейное размежевание в мире, чем дадут новый заряд к универсализации. Значит, должна произойти какая-то деглобализация мира, чтобы материальный компонент пришёл в соответствие с той идейной неуниверсальностью, которая увеличивается.

В-третьих, в ближайшие годы будет расти значимость обществ как во внутренней политике ведущих государств, так и на международной арене. Доверие к элитам падает везде, «трещат по швам» социальные контракты практически во всех крупных государствах-цивилизациях, в государствах с разной религией, с различным политическим устройством. Если поначалу казалось, что это свойственно только каким-то проблемным режимам (диктатурам на Ближнем Востоке, например), то, по всей видимости, сейчас мы сталкиваемся с тем, что это – общемировой процесс. Проводить внешнюю политику, не понятную обществам (а потому, в конечном счете, не принимаемую ими), будет все сложнее.

С.М.: Спасибо. Коллеги, как мне кажется, нам удалось удачно обрисовать контекст, в котором российская внешняя политика действует и будет действовать на ближайшую перспективу. Мы смогли удачно деперсонифицировать внешнеполитический курс России, показав, что многие проблемы носят системный характер. Среди наиболее важных я бы назвал несоответствие военной мощи и технологических стандартов; не всегда точное понимание взаимосвязей между внутри- и внешнеполитическими проблемами. Также мы пришли к выводу, что Россия как часть мировой системы имеет схожие с другими игроками трудности. Предлагаю теперь перейти к более развернутой характеристике целей российской политики и значения для нее наших союзников.

Ф.Л.: В контексте имеющихся потенциальных угроз цели и задачи российской внешней политики такие же, как и у любой страны. Везде внутриполитические нужды сейчас оказываются значительно выше в приоритете, чем внешнеполитическая деятельность. Создание условий для безопасного и устойчивого развития государств и обществ является основным. Ключевое слово здесь устойчивый. Потому что новая среда будет проверять все государства на прочность ещё больше, чем прежде. Поэтому прагматизм, который у нас постоянно выдвигается в качестве основного принципа российской международной деятельности, должен сохраняться и быть многократно усилен, причём все действия должны обеспечивать устойчивость системы внутри. А это означает, что постоянные союзы-альянсы российской политикой могут оказаться намного меньше востребованы: они не соответствуют волатильной среде, в которой приходится действовать.

И последний пункт – каковы наши союзники, противники и попутчики для реализации внешней политики. Я думаю, понятие «союзник» в прежнем по-

Мир в новом пограничном состоянии: *hardware* полицентричности – в наличии, а *software* для нее – отсутствует.

нимании уходит. Даже абсолютно модельные, образцовые союзники, такие как альянс НАТО – переживают кризис. Трансатлантическая ось перестаёт быть образцом союзнических обязательств для остальных. Исходя из изложенной логики, постоянных противников тоже быть не должно.

«Попутчик» станет ключевым термином в мировой политике.

Должны быть стабильные, рабочие отношения, которые могут ухудшаться, улучшаться, но должны соотноситься с текущими задачами. Поэтому «попутчик» станет ключевым термином в мировой политике. И если эти попутчики более или менее прилично себя ведут, как бывает в жизни с попутчиками, тогда будут выстраиваться отношения. Бывают тяжёлые попутчики, неприятные. Вот тогда будут возникать проблемы.

Д.Т.: К основной цели российской политики я бы отнес приоритет внутреннего развития (экономического, технологического, социального) и подчинение внешней политики этому главному приоритету общенациональной политики. Вторая цель – это национализация элиты через (в том числе) её ротацию. Теперь непосредственно о внешней политике. Сегодня мы наблюдаем формирование безблоковой биполярности. Я согласен, что не следует включаться в американо-китайский спор. У России появляется возможность выступить как часть мировой третьей силы, то есть укрепить свою независимость. Здесь у России могут быть самые разные партнёры.

В обозримой перспективе внешняя политика России должна быть выстроена вокруг стратегии геополитического равновесия. Я принимаю аргументы в отношении очень серьёзных проблем, которые создаёт скорое¹, скорее всего, отсутствие системы контроля над вооружениями, но всё-таки основы стратегической стабильности – это не только контроль над вооружениями, но и стратегическое сдерживание. Укрепление сдерживания посредством исключения непреднамеренного столкновения – это главное направление политики в отношении США. Стратегия равновесия для России включает также поддержание паритетных отношений с Китаем, добрососедство с Европой, партнёрство с Индией, нормализацию на новой основе, не предполагающую территориальные изменения, отношений с Японией, в «ближнем зарубежье» – собирание людей, а не земель.

Россия одинока в принципе, постоянные союзы являются aberrацией, институтом холодной войны. Ситуативные союзники, попутчики необходимы, это мы видим на Ближнем Востоке. С ними можно и нужно поддерживать отношения и использовать их в своих интересах.

А.К.: У нас распространено мнение, и оно прозвучало среди коллег, что с внешней политикой у России всё хорошо. Вот если этой внешней политике создать более мощную экономическую, технологическую, социальную базу, то было бы совсем замечательно. Это, конечно, очень привлекательно, но, откровенно говоря, мне кажется, такая гипотеза нуждается в обосновании. Можно предположить, что наши внешнеполитические успехи во многих случаях проистекают из сложившейся системы принятия решений, механизмов мобили-

¹ Речь идет об угрозе непродления договора СНВ-3, истекающего в феврале 2021 г.

зации ресурсов, информационного обеспечения, как наших внешнеполитических дел, так и внутренних.

В любом случае нам нужна существенная диверсификация инструментов внешней политики, расширение набора этих инструментов. Сейчас у нас их очень мало, и, хотя много говорится и о «мягкой силе», и о нашей экономической дипломатии, о дипломатии в сфере образования, науки, к сожалению, мало что делается. Такая диверсификация могла бы стать одной из основных задач на ближайшие годы. Мы должны повысить эффективность российской многосторонней дипломатии. Хотя мы говорим о многосторонности, это часто воспринимается как некий синоним многополярности, хотя на самом деле это совершенно разные понятия, и не одни мы не обладаем адекватным набором навыков работы в международных многосторонних структурах. Этим страдает любая крупная держава, которая инстинктивно склонна к двусторонним или односторонним действиям. Освоить искусство формирования тактических, ситуативных коалиций и выхода из этих коалиций, мне кажется, одна из задач, которые стоят перед нашей российской дипломатией весьма остро.

А.С.: Мне кажется, у российской внешней политики на горизонте в ближайшее десятилетие будут три ключевые цели. Они довольно консервативные. Первое – это поддерживать адекватность ответа на внешние вызовы. Внешних импульсов будет больше, при этом российская хрупкость никуда не денется. Во-вторых, России необходимо владеть внешнеполитической инициативой. И это дилемма: исторически и во многом сейчас российская политика носит реактивный характер, а как возможно проводить реактивную политику, а с другой стороны – владеть инициативой? Это выдвигает особые требования к качеству внешнеполитических и военных элит. Согласен с Андреем Вадимовичем: необходимо расширять инструментарий внешней политики и владеть не только навыками силовой переговорной дипломатии, но и мастерством создания ситуативных коалиций.

Третьей ключевой задачей является не потерять наработанный опытом и кровью прагматизм и не впасть в мессианство. В нынешнем поколении внешнеполитических элит таких тенденций почти не видно, но тем не менее это фундамент эффективности нашей внешней политики. По поступающим в МГИМО абитуриентам я вижу, что служба в МИД по-прежнему воспринимается как судьба, участь лучших, как место служения. И это очень обнадеживает. Лучшие студенты из наших групп обязательно подают документы в МИД и только потом для себя рассматривают какие-то другие ниши.

Что касается российских союзников, противников, попутчиков, в поясе российских границ нам необходима предсказуемость, которая с одними будет опираться на доверие и добрососедство, а с другими – по сути, на сдерживание, как в случае с украинским кризисом и нестабильной ситуацией на Южном Кавказе и вокруг Северной Кореи. Предсказуемость может достигаться консервативными методами сдерживания. Доверие и добрососедство – цели трудно достижимые, но необходимые нам в отношениях с Китаем и в том поясе границ с ЕС, где у нас есть конструктивное взаимодействие со многими странами. Россия не может себе позволить обострение кризисов по всему поясу своих границ. В том, что не касается российских границ, России нужно большое количество стратегических

попутчиков в разных регионах мира, стран, которые разделяют одни с нами установки в оценках международной среды как конкурентного поля, в оценках суверенитета как необходимого условия для национального развития и прагматизма как ключевой платформы для выработки национальных интересов.

Н.С.: Я думаю, что ключевая цель – это сохранение международного влияния на имеющемся уровне или его улучшение. Второе – это благоприятные условия для внутреннего развития. В категориях внешней политики это безопасность и наличие внешних рынков. Именно с точки зрения внешних рынков я хотел бы присоединиться к тому, о чём говорил Дмитрий Витальевич: Россия в силу своего статуса и опыта может возглавить в мире тех, кто не хочет ни американской,

Россия в силу своего статуса и опыта могла бы возглавить в мире тех, кто не хочет ни американской, ни китайской гегемонии.

ни китайской гегемонии. Здесь, на мой взгляд, открываются экономические возможности. Например, Россия могла бы стать поставщиком не американских и не китайских цифровых решений. Россия может отстаивать определённые правила игры в развитии цифровых технологий (правила игры, не допускающие монополизации рынков и данных со стороны крупнейших компаний или крупнейших государств). В этой области есть перспективы для многосторонней дипломатии и для широких альянсов.

Наконец, мне кажется, что важная задача – это деидеологизировать внешнюю политику для внутренней аудитории. По-видимому, это делать всё равно уже придётся, потому что публика, действительно, устаёт от того, как энергично наш политический класс обсуждает дела Украины и США и как мало он обсуждает дела в России. Но эта связка между легитимностью российского государства и внешнеполитическими успехами этого государства должна быть разорвана.

Д.С.: Думаю, задача внешней политики России номер один – стать ресурсом для внутреннего развития в нынешних геополитических условиях конфронтации с США. Здесь я во многом солидарен с Дмитрием Трениным. Да, конечно, российская внешняя политика нуждается в том, чтобы стать более гибкой на западном направлении, но конфронтация с США в обозримой перспективе непреодолима иным путём, кроме как капитуляцией России. А это не приведёт к оживлению и укреплению её экономики. Соответственно надо исходить из того, чтобы внешняя политика стала ресурсом для внутреннего развития в тех международных условиях, которые на сегодняшний день есть. Для этого надо выстраивать гибкую политику в отношении ЕС для того, чтобы в среднесрочной перспективе сделать возможным отмену европейских санкций. Также важно выстроить сбалансированные отношения с азиатскими странами и преодолеть нынешний перекос в пользу Китая – не за счет ослабления российско-китайского партнерства, а за счет интенсификации других направлений сотрудничества.

Вторая задача – сохранить стратегическую самостоятельность, быть независимыми как от Запада, так и от Китая. Для этого, конечно же, надо сохранять российско-китайское партнёрство, именно партнёрство, а не союз, минимизировать дипломатические усилия в отношении США и свести повестку к вопросам недопущения войны и укрепления стратегической стабильности. Также для этого необходимо проводить более проактивную политику в отношении союзников

и партнёров США: в Европе, Азии, на Ближнем Востоке. Надо, безусловно, укреплять отношения с Индией и Японией. Возможно, стоит выстраивать трёхсторонний диалог «Россия–Индия–Япония» в дополнение к российско-китайскому стратегическому партнёрству. И нужно не упустить закрывающееся окно возможности улучшить отношения с Японией. В Европе надо укреплять двусторонние отношения с крупными западноевропейскими странами, воздерживаться от каких-либо провокационных шагов в отношении европейцев по типу вмешательства в выборы, например. Стоит попытаться сопрячь «зелёный курс» Евросоюза с экологическими приоритетами и экологической стратегией России – это возможно и даже целесообразно. На Ближнем Востоке стоит сохранять сбалансированные отношения со всеми региональными центрами силы, избегать резкого ухудшения каких-либо из этих отношений, включая с Турцией.

Россию необходимо позиционировать как естественного партнёра всех тех стран, которые не хотят делать выбор между США и Китаем, кто стремится или получить, или сохранить свою самостоятельность в мировых делах. Именно это подразумевается под идеей России как «лидера нового неприсоединения»¹. В мире возникает спрос на Россию со стороны ближневосточных стран, африканских стран, Юго-Восточной Азии. И России необходимо всячески использовать эту возможность. Здесь открываются в том числе и экономические возможности.

Стратегическая задача номер три – не допустить войны с США, управлять конфронтационными отношениями. Это, безусловно, означает прежде всего укрепление сдерживания без втягивания в гонку вооружений, отказ от количественного паритета, укрепление механизмов деэскалации и выработку правил игры в тех областях, где угроза непреднамеренного конфликта наиболее высока. Прежде всего это кибер- и высокоточные вооружения в неядерном оснащении. И коль скоро Андрей Андреевич упомянул про МИД, настало время для определённой ребалансировки региональных приоритетов в кадровом отношении в министерстве.

Что касается противников России (США, атлантические элиты в Западной Европе, Польша, страны Балтии, Украина), пытаться укреплять с ними отношения в ближайшие годы не получится, и любые попытки будут носить только контрпродуктивный характер. Союзников не будет, особенно среди великих держав. Здесь я абсолютно согласен с Фёдором Александровичем. Будут лишь партнёры и попутчики. Главные российские партнёры и попутчики – это Китай, страны БРИКС, страны Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки, которые стремятся к самостоятельности и не хотят делать выбор между США и Китаем. Они появляются и усиливаются и в Европе. Приходят новые европейские элиты, которые по-другому смотрят на трансатлантические отношения. В данном случае для России это партнёры и попутчики.

В.М.: Задача российской политики – это обеспечение стабильного развития страны, прежде всего внутреннего: и экономического, и политического, и социального. Вторая главная задача – предотвращение глобальной войны. Хотя нужно

1 См. подробнее: Сулов, Д.В. Идеиная триада для России // Коммерсантъ. 22 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4327859> (дата обращения: 11.08.20).

отметить, не стоит стесняться применения военной силы, когда это востребовано обстановкой, а от ее использования прогнозируются позитивные эффекты. Наконец, в-третьих, я думаю, будет востребовано развитие новых форм взаимодействия государств: в этом смысле я обратил бы внимание на режим контроля над ракетными технологиями¹, который не является обязательным договором – присоединяются к нему на добровольной основе. Тем не менее он действует, как показывает практика, даже эффективнее, чем некоторые международные договоры: я обратил бы внимание на сотрудничество с Китаем в военной области. Мы не являемся формальными союзниками. Тем не менее Китай – это единственная держава, с которой мы обмениваемся данными систем предупреждения о ракетном нападении и проводим совместные учения. Мы не являемся военными союзниками, тем не менее Китай – вторая страна, которая вводит на учениях «Восток – 2018» в состав коалиционной группировки в подчинение российскому командованию свою оперативную группировку войск. И такое сотрудничество развивается по другим направлениям. Поэтому тип отношений, в рамках которых формальных союзнических договоров нет, но на практике реализуется стратегическое взаимодействие, я думаю, будет всё больше востребован в будущем.

И.С.: Задачи перед Россией стоят исторические. Это суверенитет, который прежде всего связан с безопасностью, а также развитие (не только экономическое, то есть рост ВВП, но и развитие в более широком, социальном плане). По крайней мере, с Петра Великого своей миссией вовне российское государство всегда считало способность быть значимой частью ойкумены, а внутри – быть не дикими и не варварами (в том числе на фоне остальной ойкумены)².

Пока мир колеблется между деглобализацией и новой попыткой мировой универсализации, я думаю, что Россия будет выступать против обеих альтернатив. В России очень сильный компонент «самости», поэтому на универсализацию Россия не согласится. С другой стороны, Россия не может согласиться и на глубокую деглобализацию. Россия всё-таки связана с миром: она живёт за счёт сырьевого экспорта, а любая попытка внутреннего развития или модернизации связана с импортом технологий. Деглобализация может иметь негативные последствия для российского развития.

Россия проводит очень гибкую и профессиональную внешнюю политику, это дает много преимуществ. Но объяснять такую политику обществу приходится за счет сильного «пропагандистского напора». Нужно найти какие-то стержневые объяснительные модели для российской замысловатой, гибкой политики.

Что касается союзников, думаю, перед Россией будет стоять задача сформировать блок тех, кто находится с ней в связке при решении базовых задач сохранения

Задачи перед Россией
стоят исторические.
Это суверенитет,
который прежде
всего связан с
безопасностью,
а также развитие.

1 См. подробнее: Режим контроля за ракетной технологией // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/hr/eksportnyj-kontrol/-/asset_publisher/UhKoSqyDFGv/content/id/80466 (дата обращения 14.08.20).

2 См. подробнее: Safranchuk, Ivan A. "M – Messianism." *Russia in Global Affairs* 18, no. 1 (2020): 105–7. doi:10.31278/1810-6374-2020-18-1-105-107.

суверенитета и обеспечения развития. Это не традиционная коалиция союзников, это набор государств, с которыми мы делим суверенитет и делим экономическое развитие. В нынешних политических границах Россия не может быть полностью экономически успешным государством. Поэтому политические и экономические границы российской системы, скорее всего, не будут совпадать. Экономические границы нужны более широкие, чем существующие у России сейчас политические. Это нужно будет сбалансировать в системе пророссийских организаций, таких как ЕАЭС и ОДКБ. В обозримой перспективе надо будет очертить, наконец, круг тех, кто является партнёрами России по суверенитету и по соразвитию, определить правила «игры» на этом пространстве и всерьез его укреплять. Проблема в том, что хочется расширить круг тех, кто попадет в это пространство, то есть подождать с «подведением черты», подождать тех, кто пока «дозревает» до необходимых стратегических решений. В конечном счете, это означает выбор между углублением сотрудничества и расширением состава его участников. Долгое время приоритетом было последнее, но важнее концентрация на первом.

С.М.: Большое спасибо. Уважаемые коллеги, в ходе дискуссии прозвучало множество интересных метафор: «время попутчиков», «Россия как лидер неприсоединения», «эпоха отсутствия альянсов». Уверен, что эти находки и конструктивные предложения можно и нужно будет оттачивать потом в виде академических публикаций и научных эссе. Надеюсь, что в дальнейшем Вы снова будете к этим темам обращаться. Мне кажется, что сегодня по итогам беседы нам удалось показать «диалектику» общего и особенного в том, что касается сегодняшних международных вызовов и «вернуть Россию её времени». Мы показали контексты, в которых сегодня действует Россия, обозначили те возможности и те ограничители, с которыми она сталкивается, сталкивалась и будет сталкиваться в ближайшее время. Крайне важно и то, что разговор о российских перспективах вышел за рамки обсуждения внешнеполитического курса одной отдельно взятой страны. Были обозначены такие серьезные проблемы международного развития в целом, как растущая неопределенность, эрозия традиционных союзов и интеграционных объединений, коллизии между глобализацией и партикуляризмом.

Спасибо огромное вам за ваше время.

Цитирование

Лукьянов, Ф.А., Тренин, Д.В., Кортуннов, А.В., Сушенцов, А.А., Сулов, Д.В., Силаев, Н.Ю., Мураховский, В.И., Сафранчук, И.А., Маркедонов, С.М.

Россия в новом десятилетии: цели, угрозы, попутчики // Международная аналитика. – 2020. – Том 11 (2). – С. 11–27.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

For citation

Lukyanov, Fedor A., Dmitrii V. Trenin, Andrei V. Kortunov, Andrei A. Sushentsov, Dmitrii V. Suslov, Nikolai Yu. Silaev, Viktor I. Murakhovskii, Ivan A. Safranchuk, and Sergey M. Markedonov.

“Russia in the New Decade: Objectives, Threats, and Fellow Companions.”

Journal of International Analytics 11, no 2. (2020): 11–27.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>